

Э. ФРАНЧЕС

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ОСЕНЬЮ 1354 г.
В КОНСТАНТИНОПОЛЕ И ОТРЕЧЕНИЕ ИОАННА КАНТАКУЗИНА

В ноябре 1354 г.¹ Иоанну V Палеологу с помощью генуэзского корсара Франческо Гаттилузи удалось проникнуть в покоренный Кантакузинном Константинополь; в его распоряжении были очень небольшие военные силы, и внезапное нападение удалось лишь благодаря хитрости². О последовавших за этим событиях подробно рассказывает сам Кантакузин. Он утверждает, будто и не помышлял о сопротивлении своему зятю Иоанну Палеологу, но рассматривал возвращение последнего как удобный случай осуществить еще ранее принятое решение — отойти от политической жизни и удалиться в монастырь³. Однако далее Кантакузин признается, что он сразу же после сообщения о появлении Иоанна Палеолога послал за помощью к своему сыну Матвею и другим военачальникам, находившимся в различных частях страны. Особенно ярко характеризует планы Кантакузина, который готовился оказать ожесточенное сопротивление Иоанну Палеологу, то обстоятельство, что он и на этот раз обратился за помощью к туркам, находившимся во Фракии (Cantac., III, p. 288). Однако, чтобы последовательно оставаться на почве выдвинутой им версии — о его намерении отойти от политической жизни, в чем он хотел бы уверить читателя, — Кантакузин утверждает, будто он принял эти меры лишь для того, чтобы успокоить своих политических сторонников. В действительности же вскоре после этого по просьбе Кантакузина в столице появился Андроник Асан с находившимися в его подчинении войсками (Cantac., III, p. 293—294). Все это явно указывает на то, что Кантакузин решил оказать сопротивление Иоанну Палеологу и с этой целью готов был, не задумываясь, призвать в столицу турецкие банды, всегда готовые пограбить такой большой и богатый город, как Константинополь. Далее Кантакузин утверждает, что по предложению Иоанна Палеолога он заключил с ним договор. Этот договор точно определял права каждого из двух императоров, и Кантакузин позаботился о том, чтобы сохранить преимущество перед своим зятем. При этом был произведен точный раздел доходов между обоими императорами. Сыну Иоанна Кантакузина, Матвею, были гарантированы его владения, город Адрианополь, а также другие города в Родопах (Cantac., III, p. 291—292). Положения договора выда-

¹ R. J. Loenertz. Les recueils de lettres de Démétrius Cydonès. Roma, 1957, p. 109.

² Nicephori Gregorae Byzantina historia. Bonnae, 1855, vol. III, p. 241—247; Ducas. Istoria Turco-byzantină, ed. V. Grecu. București, 1958, p. 69.

³ Ioannis Cantacuzeni Historiarum libri IV. Bonnae, 1823, vol. III, p. 284—285.

вали твердое желание Кантакузина утвердить свою власть и обеспечить ее как за собой, так и за своими потомками. Только после того как это соглашение было подписано и Кантакузин укрепил свое положение, он отменил ранее отданные им приказы, согласно которым он призывал на помощь турецких военачальников с войсками (Cantac., III, p. 294).

Затем оба императора начали править совместно в соответствии с заключенным соглашением. На первом же состоявшемся совещании был поставлен на обсуждение самый жизненный для Византии вопрос — об изгнании турок с европейского континента. Все участники совещания согласились с тем, что следует принять энергичные военные меры против турецких банд, которые совершенно беспрепятственно бродят по византийской территории и грабят ее. Один лишь Кантакузин возражал против этого и стремился доказать, что эти меры были бы несколько несвоевременными (Cantac., III, p. 295—299). Такая позиция обнаруживала его намерение не ссориться со своими вчерашними союзниками, которых он хотел сохранить в непосредственной близости от себя, чтобы в случае необходимости иметь возможность их использовать.

Я воспроизвел важнейшие события, происходившие в то время при дворе, как о них сообщает сам Кантакузин. Уже из этого изложения видно, сколь неправдоподобно утверждение Кантакузина, будто бы он с самого начала принял решение отказаться от борьбы и отойти от политической жизни.

Если рассматривать события, происходившие в Византии со времени смерти Андроника III: продолжавшуюся в течение 13 лет смуту и гражданскую войну, вызванную чрезвычайным честолюбием Кантакузина, то представляется совершенно невозможным принимать выдвинутую им версию за чистую монету.

В течение всех этих лет Кантакузин с исключительным упорством и совершенно беззащитно боролся за то, чтобы оставаться у кормила государственной власти. В решительный момент он не останавливался перед тем, чтобы усугубить обширные территории расширявшемуся соседнему государству, пойти на то, чтобы была опустошена вся его родина, и отдать наглым захватчикам важнейшие города Фракии и Македонии — все это в качестве вознаграждения за помощь в борьбе против партии Палеологов, партии чиновничьей знати. Он был точно так же беспощаден по отношению к самому себе и своей семье, когда на карте стояла императорская корона; в ходе гражданской войны он растратил все свое состояние и пожертвовал собственной дочерью, которая должна была стать женой Орхана — случай, беспрецедентный для Византии.

Весь логический ход событий доказывает, что в ноябре 1354 г. Иоанн Кантакузин вовсе не имел намерения покинуть политическую арену и к этому решению его вынудили другие обстоятельства. Одно только возвращение Иоанна Палеолога ни в коем случае не могло заставить его отречься, так как силы, которыми тот распоряжался при своем вступлении в Константинополь, были ничтожно малы (Cantac., III, p. 285). По этой причине Иоанн Палеолог также не отважился покинуть укрепленную им башню, которую он захватил не силой оружия, а благодаря хитрости (Cantac., III, p. 290). Если даже допустить, что Кантакузин был захвачен врасплох и в первый момент был отрезан от вооруженных сил, находившихся вне столицы, то и в этом случае он мог бы быстро восстановить свои позиции с помощью лишь тех войск, которыми располагал в Константинополе. Кроме того, он мог в короткое время вызвать вспомогательные войска из провинций. Несколько ранее он впустил во Фракию 12 тыс. турок (Greg., III, p. 181), явно для того, чтобы иметь возможность отразить возможную попытку возвращения Иоанна Палеолога, а вовсе не для того, чтобы подго-

товить себе путь в монастырь. Впрочем, при несколько иных обстоятельствах, как, например, в 1342 г., Кантакузин также находился в весьма критическом положении, однако он не был обескуражен и не отказался от борьбы.

После заключения соглашения с Иоанном Палеологом отношения между ними продолжали оставаться хорошими, и Кантакузин рассказывает об удивлении и сожалении, которые выразил его зять, когда он сообщил тому о своем намерении отойти от политической жизни (Cantac., III, p. 306). Как выяснится в дальнейшем, и позднее Иоанн Палеолог и Иоанн Кантакузин находились в хороших отношениях и последний, находясь на заднем плане, продолжал принимать участие в государственных делах.

При изложении событий мы до сих пор ограничивались тем, что происходило в придворных кругах. Однако в это время Константинополь потрясали крупные народные движения, которые Кантакузин не мог обойти молчанием. Тотчас же после того, как стало известно о прибытии Иоанна Палеолога в Константинополь, население предприняло бурные выступления против приверженцев Кантакузина, разграбило их жилища и мстило тем, кто в 1347 г. облегчил захват Кантакузином Константинополя (Cantac., III, p. 290). Движение стало еще более бурным, когда народные массы овладели оружейным складом морского арсенала. Наступление восставших продолжалось и на следующий день; дома политических сторонников Кантакузина все еще подвергались грабежу и разрушались, Влахернский дворец был осажден, а его церковь подожжена (Cantac., III, p. 290; Greg., III, p. 242). С большим трудом каталонской гвардии удалось приостановить натиск масс (Cantac., III, p. 291). Однако массы не сложили оружия, но возобновили свое наступление, и им даже удалось взять приступом одни ворота, проникнуть во дворец и возобновить осаду (Greg., III, p. 242). Патриарх Филофей, один из самых ревностных сторонников Кантакузина, считая, что дело проиграно, бежал, чтобы скрыться от народного гнева (Cantac., III, p. 291; Greg., III, p. 247). Лишь под давлением этого мощного народного движения Кантакузин был вынужден вести переговоры с Иоанном V и заключить с ним соглашение, о чем сообщает также Никифор Григора (Greg., III, p. 243). Тем не менее и после этого сила наступления городского населения на Кантакузина и его сторонников не ослабела, так как народные массы в сущности сражались не за Иоанна V, а лишь против Кантакузина. Дворец вновь подвергся яростным атакам, и Кантакузин на этот раз совершенно определенно говорит, что нападающим был «демос» (Cantac., III, p. 305). Сторонники Кантакузина, спасаясь, бежали в ужасе кто куда мог (Greg., III, p. 247). Волнения носили столь бурный характер, что о них стало известно в Италии и они были отмечены в хронике Маттео Виллани ⁴.

В такой обстановке Кантакузин отдавал себе отчет в том, что он, на какие бы уступки ни пошел, не сможет удержаться в столице вопреки категорически выраженной воле городских масс, и тогда он ушел в монастырь, окончательно отказавшись от трона.

Враждебные выступления городского населения против Кантакузина и его партии явились формой проявлений борьбы городских слоев населения против византийской феодальной знати. Эта знать уже господствовала в городских центрах и способствовала раздроблению государства. Иногда заодно с латинскими купцами, иногда конкурируя с ними, представители феодальной знати спекулировали в ущерб городским потреби-

⁴ Matthaei Villanii ejusque filii Philippi Historia ab anno MCCCXLVIII ad annum MCCCLXIV. Ludovicus Antonius Muratorius. Rerum italicarum scriptores, vol. XIV, col. 268.

телям, продавая доставленные из их поместий жизненно необходимые продукты по вздутым ценам⁵. Феодалная знать препятствовала развитию городов и ущемляла интересы городских элементов⁶. Именно поэтому, когда Кантакузин короновался в качестве императора, в Адрианополе вспыхнуло восстание, которое затем перекинулось на другие города империи (Cantac., II, p. 176—179). Восстания византийских горожан достигли кульминационного пункта в победе зилотов Фессалоники и закончились восстанием в Константинополе, которое привело к окончательному удалению Кантакузина. Эта победа, однако, пошла на пользу не городским массам, а Иоанну V Палеологу и партии Палеологов. Недостаточная политическая зрелость масс и неоднородный состав участников движения способствовали тому, что они видели в Иоанне V и его партии союзников и защитников своих интересов и поддерживали его лишь потому, что в этой борьбе против Кантакузина он стоял на их стороне, точно так же как те же городские массы за несколько лет до этого поддерживали Алексея Апокавка. Именно этим объясняется также сближение зилотов Фессалоники с Иоанном V. Хотя движение там было организовано несравненно лучше, партия зилотов согласилась с тем, чтобы управление городом было передано члену семьи Палеологов⁷. В действительности же в поддержке Иоанна V была заинтересована лишь городская верхушка, поскольку Палеолог и его партия боролись против феодального раздробления страны, которому содействовала политика Кантакузина. Именно этим объясняются симпатии к Иоанну Палеологу, которые Григора и Кантакузин приписывают городским массам (Greg., III, p. 150; Cantac., III, p. 255). Поэтому жители Адрианополя восстали при приближении Иоанна Палеолога и надеялись при помощи его войск прогнать приверженцев Кантакузина; Матвей Кантакузин был вынужден вплоть до прибытия подкреплений отступить в городскую цитадель. Население Адрианополя оказало жесточайшее сопротивление наемникам Кантакузина, большей частью туркам, которые были посланы для подавления восстания (Greg., III, p. 178; Cantac., III, p. 242—244). То же произошло при первой попытке Иоанна Палеолога захватить столицу: достаточно было ему появиться вблизи города, как в столице начались волнения (Cantac., III, p. 255). Другие города отказались подчиниться Кантакузину и предпочитали в ходе гражданской войны открывать свои ворота сербским войскам (Cantac., III, p. 31, 127).

Ненависть к Кантакузину и его партии возросла еще более во время гражданской войны, которая привела к тому, что вся территория Византии подверглась грабежу, турки утвердились на европейском континенте и страна вообще оказалась на краю гибели. События в восставшем и вновь покоренном Кантакузином Адрианополе, выдача его на поток и разграбление турецким наемным отрядам (Cantac., III, p. 245; Greg., III, p. 178) привели лишь к обострению отношений между партией Кантакузина и городскими элементами.

Мероприятия, проведенные Кантакузином в период своего правления, причиняли вред в равной мере интересам всех слоев городского населения. С целью добыть средства для военных расходов и содержания турецких наемных войск были увеличены налоги. Помимо повышения обычных

⁵ Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Palaeologis libri XIII. Bonnae, 1835, vol. I, p. 460—461; R. Guillaud. Etudes byzantines. Paris, 1959, p. 77—78; N. Banescu. Le patriarche Athanase I-er et Andronic II, Paléologue. — «Académie Roumaine. Bulletin de la section historique», XIII, 1942, I, p. 23—25.

⁶ E. Frances. La féodalité et les villes byzantines au XIII-e et au XIV-e siècles. — BS, XVI, 1955, p. 93—94.

⁷ E. Frances. Răscoala zeloților din Thessalonie în lumina ultimelor cercetări. — «Studii», XII, 1959, 3, p. 265.

налогов (Greg., II, p. 870), были установлены новые и сделаны попытки переложить всю их тяжесть исключительно на плечи ремесленников и купцов (Cantac., III, p. 38—39). Хотя горожане и сопротивлялись этому, однако в конце концов вынуждены были уступить; при этом взывание новых налогов дало повод для многочисленных злоупотреблений, вследствие чего в Константинополе создалась напряженная обстановка, которая в любое время могла привести к вспышке восстания (Cantac., III, p. 80).

Для того чтобы обеспечить сбыт продуктов феодальных вотчин, Кантакузин обложил особой пошлиной пшеницу и другие ввозимые в Константинополь продукты сельского хозяйства; он повысил пошлины на вино, продаваемое мелкими производителями; пошлины взимались в двойном размере, если вино продавалось торговцами (Cantac., III, p. 80—81). По тем же причинам он стремился ограничить ввоз вина венецианцами⁸. Увеличение пошлин на все торговые операции (Cantac., III, p. 81) несомненно привело к значительному росту цен, в особенности на продовольствие.

Изгнание Кантакузина было последним победоносным выступлением народных масс Константинополя. Сила и настойчивость, которые они при этом обнаружили, способствовали сближению обеих партий господствующего класса. Между Иоанном Палеологом и Иоанном Кантакузином, вчерашними противниками, установилось сотрудничество, причем ради этого последний не поколебался пожертвовать интересами своего собственного сына Матвея. Кантакузин остался высшим советником императора. Ни одно важное решение не могло быть принято без его согласия. Когда в 1367 г. в Созополе обсуждался вопрос об объединении церквей, Иоанн V отказался взять на себя какое-либо обязательство, до того как посоветуется с Кантакузином и патриархом. Последовавшие за этим переговоры велись в присутствии Кантакузина и при его деятельном участии⁹. Прекрасно осведомленные венецианцы в 1376 г. дали указание своим послам в Константинополе посетить также Кантакузина, если они сочтут это необходимым¹⁰. Это служит доказательством того, что он, как и прежде, играл важную роль. Самый доверенный сотрудник Кантакузина Димитрий Кидонис занимал при молодом императоре ту же должность, как и при его предшественнике¹¹. К разочарованию Григоры, Иоанн V отказался выступить против Кантакузина по религиозным вопросам (Greg., III, p. 342, 347—348).

Как и следовало ожидать, Иоанн V предал городские движения, развернувшиеся в Византии в середине XIV в. Он продолжал поддерживать богатых купцов, чтобы иметь возможность использовать их в своих целях, в частности в борьбе против народных масс в городах. По этой причине он стремился препятствовать розничной торговле венецианских купцов на территории империи¹². Купцы из Фессалоник получили привилегии, которые они старались использовать против венецианских властей в момент, когда город перешел под власть венецианцев¹³. Укрепление лагеря господствующего класса путем сближения враждовавших до сих пор между собой

⁸ F. Thiriet. *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie*, t. I. Paris, 1958, № 237.

⁹ J. Meyendorff. *Jean Joasaph Cantacuzène et le projet de concile oecuménique en 1367*. — «Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses, München, 1958», München, 1960, S. 363—369.

¹⁰ F. Thiriet. *Op. cit.*, t. I, № 575.

¹¹ R. J. Loenertz. *Le chancelier impérial à Byzance au XIV-e et au XIII-e siècle*. — «Orientalia Christiana Periodica», XXVI, 1960, p. 293—295.

¹² F. Thiriet. *Op. cit.*, t. I, № 342.

¹³ *Ibid.*, t. II, № 1995.

партий послужило одной из причин того, что после этих событий городские движения в Византии совершенно прекратились. Города шли навстречу полному хозяйственному упадку.

Рост могущества итальянских купцов способствовал дальнейшему ослаблению византийских ремесленников и торговцев. Итальянцы не довольствовались тем, что, используя свои привилегии и значительно более благоприятные производственные условия итальянских городов, повсюду конкурировали с византийскими купцами и ремесленниками, но стремились уничтожить их любым способом, иногда даже с помощью вооруженной силы. В войне между Генуей и Византией в 1434 г. генуэзцы направили свои пушки на торговый квартал Константинополя, большую часть которого они разрушили¹⁴. Все это, равно как и опасность со стороны турок, пишет Димитрий Кидонис, имело своим следствием большую эмиграцию из греческих городов на запад в середине XIV в.¹⁵ Высказывания Кидониса целиком и полностью подтверждаются Григорой (Greg., II, p. 752), который пишет об экономическом и культурном упадке городов (Greg., II, p. 751). Акты Дубровника также сообщают о переселении туда многих греков из Константинополя и других городов Рومании¹⁶. Есть также основания говорить о греческой иммиграции в румынские земли еще задолго до падения Константинополя¹⁷. Недаром путешественники, посещавшие Константинополь в XIV — XV вв., подчеркивали обезлюдение города¹⁸. В свете этого утверждение Тедалди о том, что население Константинополя перед его падением насчитывало 30—36 тыс. жителей¹⁹, является, по моему мнению, несколько преувеличенным. Так, Сфрандзи констатирует, что численность коренного населения, способного принять участие в обороне города в 1453 г., включая священников и монахов, составляла лишь 4773 человека²⁰.

Поскольку число сражавшихся составляло лишь 20% от общего количества населения, отсюда следует, что в Константинополе, по приблизительной оценке, еще проживало 20 тыс. человек.

Вывод, к которому мы приходим, состоит в следующем. Горожане в середине XIV в. одержали мнимую победу над поддерживаемой турками феодальной знатью. Эта победа привела к совершенно иным последствиям, чем в других странах Европы. Это было вызвано, как я пытался показать в рамках этой небольшой статьи, специфическими условиями развития Византии.

¹⁴ Laonici Chalcosandylae Historiarum demonstrationes, ed. Darko Budapestini, 1923, vol. II, pars prior, p. 62.

¹⁵ Demetrii Sydonii Oratio non reddenda Callipoli petente Amurate.— PG, t. 154, col. 1013.

¹⁶ Б. Крекић. Дубровник и Левант. Београд, 1956, стр. 117—139.

¹⁷ A. Ellisen. Analecten der mittel- und neugriechischen Literatur. Leipzig, 1860, Bd. IV, S. 214 (Ἐπιδημία Μάζαρι ἐν Ἰταλίᾳ).

¹⁸ J. Ebersolt. Constantinople byzantine et les voyageurs du Levant. Paris, 1919, p. 63.

¹⁹ J. Tedaldi. Prise de Constantinople par l'empereur turc.— «Monumenta Hungaricae Historiae», vol. XXII (1), p. 896.

²⁰ Phrantzes. Chronicon minus.— PG, t. 156, col. 1060.